

Это был не Дэниел, вечно пытавшийся распускать руки, а его кузен — и он предлагал такое. Неудивительно, что Джефф был в шоке. Даже я не мог взять в толк, почему такому, как я, за одну ночь сделали два непристойных предложения двое разных мужчин. И оба сулили баснословные суммы.

— Ты серьезно отказал, даже когда тебя начали избивать?

Но по-настоящему Джеффа поразило то, что я упорствовал до тех пор, пока не получил по лицу. Обычно я не был настолько глуп, чтобы доводить дело до крайностей.

Деньги важны, но мое тело — не меньше. Я старался по возможности избегать опасных ситуаций и придерживал язык. Моя жизнь и так напоминала ежедневную прогулку по тонкому льду — у меня не было причин делать ее еще более зыбкой.

Я берег себя не только ради собственного блага. У меня была семья, которую я не мог бросить, люди, которых я был обязан защищать.

Поэтому обычно, если стоял выбор: быть избитым или уступить, я предпочитал тихо поддаться. Джефф это знал. Вот почему мое сегодняшнее упрямство так его озадачило.

— Фух... Может, снять тебя с этого заказа?

К счастью, Джефф не стал допытываться. Он лишь посмотрел на меня взглядом, полным недосказанности, и тяжело вздохнул. Он имел в виду передачу Дэниела, моего клиента, другому курьеру.

Иногда, когда между курьером и клиентом вспыхивал конфликт, ситуацию улаживали простой сменой исполнителя. Таково было местное правило. Нет смысла портить настроение клиентам, которые платят за то, чтобы развлечься.

Но в моем случае прямой ссоры с Дэниелом не было, так что ситуация была щекотливой. Дэниел мог воспротивиться. С другой стороны, мог и проигнорировать. Он вел себя так, будто был одержим мной, но кто знал, что у него на уме на самом деле.

— Разве это возможно?

— Я мог бы попробовать прощупать почву.

Джефф хмыкнул, прикусывая фильтр сигареты. На его лице промелькнуло облегчение от такой возможности — Дэниел ему никогда не нравился. Я молча наблюдал за ним, выпуская длинную струю дыма.

Строго говоря, вины Дэниела тут не было. Но так как драка произошла с одним из его гостей и в его особняке, на него можно было возложить ответственность. Это и было то самое «правило», о котором говорил Джефф.

К сожалению, Дэниел не был тем, на кого можно было легко надавить. Даже у правил есть границы применимости. Так устроено везде в этом мире.

И насколько я знал, Дэниел твердо входил в категорию «неприкасаемых». Джефф мог закинуть удочку, но навязать ему свои правила было почти невыполнимой задачей.

— Нет, все в порядке. Дэниел — не проблема. Не нужно меня снимать.

Поразмыслив, я наконец ответил. Джефф удивленно округлил глаза.

— Почему?

— Потому что это не имеет значения. Я не хочу лишних хлопот из-за себя.

По правде говоря, Дэниел меня не волновал. Настоящей проблемой был человек, возникший внезапно, там и тогда, где его быть не должно. Нет смысла затевать драку не с тем человеком — это только ухудшит мое положение.

— Раз ты так считаешь.

Джефф кивнул, хотя на его лице не читалось удовлетворения.

— Но если оставить Дэниела, Константин Летов...

Джефф едва слышно пробормотал это имя. Я застыл, уставившись на него. Это имя всегда заставляло меня напрячься.

— Хм. Забудь. Если я сейчас начну, это затянется надолго. Оставим на потом.

Он неловко пробормотал это и бросил окурок на землю. Тлеющий огонек исчез под подошвой его кроссовка. В горле запершило. Мне было интересно, что он собирался сказать, но я не посмел спросить.

— В общем, я понял, что произошло. Больше спрашивать не буду. Сказать мне есть много чего, но на улице холодно, так что закончим нотации на этом.

— Спасибо.

— Глядя на твое состояние, не хочу терять время. Докуришь — и иди домой. Мне уже давно пора спать.

Вопреки своей работе и внешности, Джефф вел довольно дисциплинированную жизнь. Теперь, со следами тяжелого сна на лице, он махнул мне рукой, прогоняя внутрь.

— Спасибо, что пришел.

— Иди и первым делом приложи лед к лицу. Не пугай Чеён.

— Ладно.

Сказав свое слово, Джефф развернулся и ушел без колебаний. Я какое-то время смотрел на его внушительную спину, прежде чем двинуться самому. В животе все крутило. Я не знал, было ли это последствием приема препарата после долгого перерыва или результатом полученных ударов.

Я прижал горящий кончик сигареты к стене, пока он не погас. Бросив окурок в мусорный бак у входа, я ступил на лестницу ветхого многоквартирного дома. Как и говорил Джефф, я боялся, что Чеён испугается.

Я взъерошил влажные от пота волосы и потащил свои тяжелые ноги вверх по ступеням. Так или иначе, я был наконец-то дома.

Мои родители иммигрировали в Нью-Йорк еще до того, как мне исполнилось пять. Жизнь в Корее была суровой, и они приехали в Америку с мечтами, но и Америка оказалась не райским садом.

В моих воспоминаниях родители всегда были изможденными, раздавленными усталостью. Если их жизнь была трудной, то как моя могла быть иной? Жизнь всегда была сточной канавой. Точнее, всё стало совсем плохо, когда я достиг подросткового возраста.

И до этого я не мог назвать её хорошей, но, по крайней мере, мы справлялись. Однако когда мне исполнилось двенадцать, бизнес отца, который он затеял с большим размахом, прогорел.

Другие люди подавали на банкротство и умудрялись снова встать на ноги, но нашей семье это почему-то не удавалось. Наши и без того шаткие финансы рухнули окончательно. Это случилось в тот самый год, когда родился мой младший брат.

После этого отец снова и снова начинал и терял дело за делом. С каждым разом наша семья становилась всё беднее.

Я не мог не стать тревожным и чувствительным. Возможно, подростковый период только усугубил это. Сплетни, косые взгляды и страх, что в любой момент нас могут выселить, заставляли меня еще глубже уходить в себя, изолируя от мира.

Я всегда был один, без друзей. Для такого, как я, у кого не было ни денег, ни времени, ни сил, друзья были роскошью. Мои родители работали день и ночь, чтобы на столе была еда, а это значило, что забота о доме и о младшем брате полностью легла на мои плечи.

Как бы усердно они ни работали, этого никогда не хватало. Коллекторы приходили часто, изводя нас угрозами. Мы бежали и переехали в один из беднейших кварталов Нью-Йорка, но и там жили в постоянном страхе снова потерять крышу над головой.

Мне было страшно и тревожно. Каждую ночь я лежал без сна, чувствуя, что на следующий же день нас могут вышвырнуть на улицу, как тех бесчисленных бездомных, разбросанных по всему Нью-Йорку. Поэтому я вцепился в учебу. После заботы о доме и брате в одиночестве в жилище, где родители скорее отсутствовали, чем присутствовали, я учился так, словно от этого зависела моя жизнь.

Отчасти потому, что больше делать было нечего, но в основном потому, что неподвижность только питала тревогу. И прежде всего я знал: учеба — мой единственный путь к спасению.

Так как район был населен беднотой, школы там были ужасными. Поэтому неудивительно, что я, кому не оставалось ничего, кроме книг, всегда был первым в рейтинге.

К тому времени, как я окончил среднюю школу, один фонд предложил мне стипендию для университета. Она покрывала год обучения, плату за общежитие и даже расходы на переезд. И всё же колледж был за гранью того, о чем я когда-либо смел мечтать.

Стипендия была рассчитана только на один год. Чтобы продолжать получать её, я должен был сохранять высокие баллы. Расходы на жизнь я должен был зарабатывать сам. Несмотря на это, я поступил в университет из чистого упрямства. Или, возможно, это был побег.

Я хотел убежать от нищеты. Мне до смерти надоело заниматься хозяйством и растить брата с самого детства. Я хотел увидеть внешний мир. И больше всего я хотел, хотя бы раз, пожить для самого себя.

Мой отец, требовавший, чтобы я шел работать и приносил деньги сразу после школы, ударил меня в гнев. Он кричал, спрашивая, о каком колледже я вообще говорю в такие времена, требуя, чтобы я нашел любую работу. Мать попыталась остановить его и помогла мне уехать в университет. Она была единственной, кто когда-либо принимал мою сторону.

Моя бледная, изнуренная мать и младший брат, которого я вырастил, тяжелым грузом лежали у меня на душе. Я знал, что если уеду, всё бремя падет на неё. Зная это, я всё равно закрыл глаза, заткнул уши и убежал, не оглядываясь.

В тот первый, с трудом заработанный год в университете, я стер из памяти рушащийся дом, нищету и усталые лица родителей. Не полностью, но я пытался забыть. Тот год стал незабываемым в моей жизни.

Это было время одновременно прекрасное и счастливое. А также болезненное и жестокое. И не было сомнений, что тем, кто сделал тот год ослепительным, был этот человек. Константин Ильич Летов. Старшекурсник четвертого курса, с сияющими платиновыми волосами и изумрудными глазами.

В тот миг, когда я увидел его издалека, я влюбился с первого взгляда. Я не мог иначе. За всю свою жизнь я не встречал никого столь прекрасного. Это было похоже на встречу с шедевром, а не с живым человеком.

Его тонко вылепленные, подобные цветку черты лица, его мягкая улыбка, изысканные манеры и речь — он был настолько красив, что это казалось нереальным. Он слишком отличался от всех, кого я когда-либо видел.

Прожив всю жизнь в убогих трущобах Нью-Йорка, я редко встречал даже просто приличных людей. Но Константин был на другом уровне. И, по правде говоря, он был далек от обычного человека.

Его отец был русским магнатом с бизнес-активами по всему миру. Его мать была знаменитой голливудской актрисой. Благодаря им Константин с самого рождения жил в лучах славы.

Сначала он был известен как ребенок знаменитостей, затем его поразительная внешность привлекла внимание публики. Он был во всех смыслах принцем современности.

Но его детство не было гладким. Его мать, Рэйчел, развелась с Ильей Летовым, не дотянув до десятой годовщины, и последствия этого развода тянулись годами. Вокруг него кружили слухи и о других скандалах.

В итоге Рэйчел вырастила его сама. Не то чтобы отец бросил его. Как старший сын семьи, наделенный особыми способностями, Константин давно был назначен наследником. Поистине, во всем он был экстраординарным.

С таким прошлым было вполне естественно, что он всегда находился в центре внимания. Он привык к нему и точно знал, как вести себя с людьми на публике.

Он всем улыбался с добротой, относился с теплотой, и его манеры были безупречны. Он был прекрасен и пленителен. Казалось, никто не мог быть совершеннее него.

Все, кто знал Константина, влюблялись в него. Насколько я знал, не было ни одного исключения. Так как же мог я, наивный первокурсник, не стать одним из его обожателей?

Любой бы сказал, что мне повезло учиться в том же университете и даже знать его целый год. Некоторые могли бы позавидовать, гадая, как такому, как я, вообще это удалось.

Но позже, оглядываясь назад, я часто задавался вопросом. Была ли встреча с ним в университете удачей — или несчастьем?

«Так это был ты».

Это случилось примерно через два месяца после моего поступления. Мне внезапно сообщили, что мою комнату в общежитии сменили. У меня не было права голоса, поэтому я пошел в новую комнату.

Тем, кто открыл дверь, был не кто иной, как Константин. Он стоял там, улыбаясь глазами, когда дверь распахнулась. Я, сам того не осознавая, выронил сумку на пол, застыв с полуоткрытым ртом на долгое время.

«Что ты делаешь, заходи».

Даже когда Константин протянул руку и потянул меня за локоть, я просто стоял в дверях, глядя на него отсутствующим взглядом.

Константин был единственным, кто когда-либо делал меня счастливым, пусть и ненадолго. Он научил меня тому, что такое счастье. Но он же был тем, кто превратил мою жизнь в кошмар.

Блаженство было кратким, а страдания растянулись бесконечно. Даже сейчас, десять лет спустя, я всё еще не сбежал из этого кошмара.

И сегодня, по жестокому совпадению, новая встреча с ним заставила меня почувствовать, будто я снова провалился в ад. Я думал, что моя жизнь до сих пор была адом, но это была ложь.

Только сегодня я наконец осознал, каков на вкус истинный ад. Настолько, что я отчаянно пожелал снова сбежать из своей жизни.

Так что встреча с ним была и удачей, и несчастьем одновременно.

«...»

Лежа в постели и закинув руку на лоб, я тихо выдохнул. В темной, тихой комнате мой долгий вздох плыл вместе с размеренным дыханием моего друга и брата, спящих на кровати рядом со мной.

Я встретил того, кого никогда не должен был встречать. Время было выбрано жестоко. Это было тяжкое бремя, гораздо большее, чем я мог вынести. Эта мысль вызвала еще один вздох. Больше всего на свете я хотел бы стереть сегодняшний день, но не мог.

Я бесконечно смотрел в потолок. В голове роились бесчисленные разрозненные мысли. Сознание было беспокойным. Решив, что больше не выдержу, я заставил себя закрыть глаза. Но вопреки моей воле, сон долго не приходил.

Это была отвратительная ночь.

— Оппа! Что у тебя с лицом?!

Чеён закричала, как только увидела меня. Я совершенно забыл о вчерашнем дне, выбравшись из постели полусонным и растрепанным на шум. Только тогда я пришел в себя и коснулся кончиками пальцев разбитого уголка губы и щеки. Они опухли еще сильнее, чем прошлой ночью. Это было скверно.

— Просто... Небольшая потасовка.

<http://bllate.org/book/16515/1504346>